

Давний авторитет автора рецензируемого труда А. Н. Зографа заставляет отнестись с сугубым вниманием к его наблюдениям, замечаниям и выводам. При этом прежде всего следует разграничить такие высказывания и заключения, которые можно считать доказанными, от таких, которые должны рассматриваться лишь как гипотезы и личные предположения А. Н. Зографа. Как раз авторитетность А. Н. Зографа легко может повести к смешению тех и других. Между тем после написания книги прошло более 15 лет, и советская наука обогатилась за это время немалым количеством изданий отдельных нумизматических памятников, частично найденных после смерти автора, а также рядом исследовательских работ по истории монетного дела античного Причерноморья, которому автор уделяет всю вторую половину своего труда (гл. VIII—XI). Самое же существенное заключается в том, что нас теперь уже не может удовлетворить чисто нумизматическое исследование, не связанное с задачами изучения экономического развития тех же античных государств Северного Причерноморья.

Восьмая глава труда Зографа посвящена монетам Тиря и вызывает менее всего критических замечаний. Нельзя, однако, не пожалеть, что в третьей графе таблицы, помещенной на стр. 118 сл., не указаны в скобках за кратким описанием каждого типа оборотной стороны те типы аверсов, в сочетании с которыми он встречается на монетах; этот прием позволил бы, почти не увеличивая объема таблицы, наглядно показать все разнообразие нумизматических памятников Тиря императорского периода. Сомнительно, на наш взгляд, также и заключение автора (стр. 113), что легенда ТУРА на ранних автономных монетах всегда представляет не именительный падеж, а сокращение родительного ТУРА[*ων*]; в Истрии мы находим около этого времени, во всяком случае, именительный ΙΣΤΡΙΝ, в Ольвии — ΟΛΒΙΝ; аналогии времени Домциана вряд ли могут быть решающими для монет IV в. н. э.

Переходя к монетам Ольвии, следует отметить, что последние крупные «ассы» этого города правильно связываются А. Н. Зографом в одну систему с первыми ее чеканенными монетами. Однако, определив время выпуска «ассов» с изображением Деметры (табл. XXXI, 4) серединой и началом третьей четверти IV в., а наиболее ранних из объединяемых с ними статов (табл. XXXII, 2) границей 30 и 20-х годов (стр. 124 и 127), автор вместе с тем считает всю эту «группу монет совместного обращения» принадлежащей середине IV в. (стр. 126), т. е. ранее им же принятого момента ее появления. Думается, что это построение нуждается в пересмотре; убедительным во всей соответствующей аргументации является только то, что наиболее строго исполненные экземпляры серебряных статов и брюссельский золотой уник тесно связаны стилем и относятся к рубежу между 30 и 20-ми годами IV в. Совершенно обосновано однако, что именно эти, уже несколько рафинированные, монеты являют-

¹ В ВДИ, 1951, № 4, были опубликованы две рецензии Л. П. Харко и В. Н. Дьякова на книгу А. Н. Зографа. Редакция ВДИ сочла целесообразным еще раз вернуться к этому вопросу, так как в статье П. С. Карышковского обращается внимание на моменты, не учтенные предыдущими рецензентами.

ся первыми образцами ольвийского чекана. Это утверждение подкрепляется в сущности только более чем сомнительным предположением, что «в Ольвии, где прочной художественной культуры не было, ... заказанные приезжим мастерам штемпеля-образцы быстро подверглись огрубению в руках местных резчиков» (стр. 128). Не касаясь фактической несостоятельности первой половины приведенного суждения, следовало бы подчеркнуть, что нумизматический материал не дает для него никаких оснований. Серебряные статеры вообще «чрезвычайно разнятся между собою не только по стилю и качеству исполнения, но часто даже и по качеству металла» (стр. 126), и не представляется возможным расположить их в порядке деградации по сравнению с принимаемыми за образец А. Н. Зографом; напротив, свободный и несколько размашистый резец многих монет производит впечатление гораздо большей непринужденности, чем слишком ювелирный и суховатый стиль «образцового» статера¹. Признание эрмитажного статера первым представителем всего сорта противоречит, наконец, и то, что именно на нем мы находим наиболее развернутую форму магистратского имени в то время как на остальных оно либо вовсе отсутствует, либо выражено весьма простым слогом или монограммой. Как отмеченные обстоятельства, так и то, что вся серия чеканена по эгинской системе веса, заставляют отодвинуть ее происхождение назад во времени Александра. К тому же нельзя связывать со статерами не относящиеся к ним драхмы аттического веса с дельфином на обороте (стр. 127, табл. XXXII, 7), первые имеют в точности соответствующие им по типу драхмы того же эгинского веса (НС, т. II, 1913, стр. 65, № 4). Поэтому мы считали бы возможным отнести начало выпуска «ассов» с Деметрой и объединяемого с ними эгинского серебра к третьему десятилетию IV в. В этом случае не будет и разрыва (стр. 126 сл.) между нумизматическими памятниками и данными известного декрета из Анадоли-Кавак, который неопровержимо свидетельствует о том, что в начале (или, во всяком случае, в первой половине) IV в. в Ольвии была своя медь и серебро в таком количестве, что обмен всякими привозных монет на ольвийские мог быть признан обязательным. Ввиду этого трудно согласиться и с утверждением о малочисленности и ограниченности в обращении серебряных ольвийских статеров (стр. 126); незначительное количество сохранившихся экземпляров не говорит в данном случае о слабой интенсивности чекана, а объясняется обстоятельствами последующего времени. Когда на грани 30-х и 20-х годов ольвиополиты перешли к аттической системе (нумизматическими памятниками этого перехода являются эрмитажный серебряный и брюссельский золотой статеры, «скорее всего исполненные одной рукой», до и после реформы), тяжелое серебро прежнего чекана, естественно, подвергалось изъятию и переливке; в особенности интенсивно должны были извлекаться из обращения драхмы, так как в последующих сериях статеров уже не выпускали и смешать их с новыми монетами было невозможно. Мы бы рискнули связать с монетной реформой в Ольвии известие Макробия (Sat., I, 11, 33) об изменении ольвиополитами долговых обязательств во время осады города Зопирионом. Однако трудно сказать, можно ли отнести к этому же моменту и предполагаемую А. Н. Зографом редукцию и выпуск малых «ассов» с Горгоной и именем города (стр. 124, табл. XXXI, 5), так как эти последние, естественно, укладываются в столетний промежуток между выпуском «ассов» с легендой APIX и «ассов» с изображением Деметры. Кроме того, стилистические особенности Горгоны на малых «ассах» не позволяют датировать их концом IV в. (А. В. Орешников, НС, т. III, 1915, стр. 27 сл.); находки этих монет в верхних слоях архаических ям на о-ве Березани совместно с керамикой начала V в. (ЗОО, т. XXVIII, 1910, стр. 45) не подтверждают их позднего происхождения. Накопец, на всех известных нам экземплярах этой серии мы встре-

¹ Ср. табл. XXXII, 2 и 3, а также ZfN, т. X, 1882, табл. III, i; Ch. Giel, Kleine Beiträge, M., 1886, табл. 1, 2; е го же, ЗРАО, т. VII, 1895, табл. XVIII, 2; В. P i c k, Die antiken Münzen Nordgriechenlands, т. I, ч. 1, Berlin, 1899, табл. IX, 1—2; S. G r o s e, Catalogue of the M. Clean Collection of Greek Coins, v. II, Cambridge, 1926, табл. 155, 4.

чаем лишь надпись ОЛВИ, а не ОЛВИО, так что и с этой точки зрения нет необходимости считать их более поздними, чем «ассы» с Деметрой и легендой ОЛВИН. О длительном обращении и выпуске последней серии, заходящей в III в., свидетельствуют находящиеся на них обозначения серий (без дифферента, В, Г, Δ, Е) и значительные стилистические изменения в типе, ясно видимые, например, на фотографиях Голубцова (ИАР, 51, табл. VIII—XIV). Труднее решить, как одновременно совмещались в монетном хозяйстве Ольвии полновесные «ассы» с Деметрой и оставшиеся весьма долго в употреблении, — как то доказывают Лузановские находки, — малые «ассы» с Горгоной (стр. 127); впрочем, при совместном обращении последние должны были превратиться де факто в подразделения первых.

Что касается остальных чеканенных монет Ольвии догетского периода, вряд ли можно признать обоснованным объединение в одну серию уникального золотого статера и последующих золотых гемидрахм (стр. 127—128, табл. XXXII, 8; ср. Риск, табл. IX, 1); «резкий контраст» в стиле, отмечаемый и А. Н. Зографом (стр. 128), не представляется «случайным», но свидетельствует, скорее всего, в пользу достаточно продолжительного перерыва между моментами их выпуска. Также соображения о поразительной роли малых «ассов» с горгонойюном между тяжелыми «ассами» четвертой серии и борисфелами, и соответствующее понимание слов «из четырехсот» в IOSPE, 2, 32 (стр. 132) не обоснованы настолько, чтобы быть признанными вполне доказанными. Наконец, по смыслу сказанного выше, наиболее ранние из медных монет с Деметрой (табл. XXXII, 11 слл.) относятся еще к середине IV в., и чекан их продолжался или не в течение целого века, как думал Голубцов, то, во всяком случае, значительно более отводимых для них Зографом 40—50 лет (стр. 129).

Монеты Херсонеса Таврического и Керкинитиды рассматриваются в следующей главе, гораздо менее самостоятельной, чем остальные части книги. Однако и здесь мы находим многочисленные поправки ко взглядам прежних нумизматов и собственным предположениям автора. В особенности необходимо выделить парадоксальную на первый взгляд, но вполне основательно доказанную мысль о том, что золотой херсонесский чекан I—II вв. является не столько выражением подлинной самостоятельности города, сколько свидетельством его зависимости от Боспора (стр. 155 сл.). Однако, ставляя в стороне тот факт, что А. Н. Зограф относит свидетельство Флегонта из Тралл к Котию I, в то время как речь идет о втором царе этого имени¹, следует заметить, что именно тесная связь с Боспором, который с начала 80-х годов I в. высвобождается из-под римского влияния, делает более чем проблематичными слова автора, будто херсонесское золото, $\frac{4}{5}$ которого приходится как раз на время после 79—80 г., было чеканено «по указанию из Рима» (стр. 156). Во всяком случае, Херсонес является единственным городом, имеющим в эту эпоху свои золотые монеты, причем изображение на статерах 104, 109, 131 и 158 гг. не обнаруживает даже самого отдаленного сходства с портретами римских императоров, но зато вполне подобно (вплоть до змеевидного атрибута) изображениям на медных монетах Херсонеса того времени (табл. XXXVII, 1—8 и 13—15). Невозможно согласиться также и с предположением, будто бородастая голова на монете, помещенной на табл. XXXVII, 11 (ср. НС, т. III, 1915, табл. II, 34—35), представляет портрет боспорского царя Рескупорида II (стр. 157); по крайней мере, нам не удалось подметить ничего общего ни с одним из известных его изображений. Из других частностей вызывает сомнение датировка III в. до н. э. монеты с изображением так называемой Афродиты (табл. XXXV, 26): за более раннее время говорит, помимо фактуры, и отсутствие магистратского имени, уже прочно занявшего свое место на монетах III в. Вряд ли возможно, наконец, говорить о продолжении чекана в Херсонесе до времени Диоклетиана (стр. 159); приводимые автором соображения могли бы доказать лишь то, что еще до этой поры в городе продолжали обращаться местные монеты, вытесняемые с конца IV в. римскими.

¹ В. В. Латышев, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 114; ср. ВДИ, 1948, № 1, стр. 262, прим. 2.

Заслуживают дополнения также и некоторые замечания А. Н. Зографа о монетах Керкинитиды. Соглашаясь с отнесением наиболее ранних монет этого города к IV в. (стр. 160 сл., табл. XXXVIII, 15—16 и 19), никак нельзя признать правильным разделение остальных монет на две одновременные серии, первая из которых (табл. XXXVIII, 17—18) датируется первой половиной III, а вторая (табл. XXXVIII, 20) рубежом III—II вв. Вопреки обыкновению, автор полагается при этом только на стиль и, не замечая сходства между этими группами монет, сравнивает каждую из них порознь с одновременными монетами Херсонеса. Между тем, обе группы являются старшим и младшим номиналом одной серии: это доказывается не только разительным стилистическим единством изображений коня и оленя на их оборотах, но и общими магистратскими именами ΓΕΛΩ и ΕΡΜΑ, и всей фактурой плотного монетного кружка со слегка растрескавшимся от сильного удара краем. Нелишне заметить, что и имя города нанесено на них впервые в форме ΚΕΡΚΙ (на младшем номинале легенда сокращена из-за отсутствия места до первых трех букв), что соответствует орфографии эпиграфических памятников Херсонеса (IOSPE, I², 352 и 401) и писателей эллинистической и римской поры. По всей вероятности, эта серия монет относится ко второй половине III в. до н. э.

Историю монетного дела на Боспоре А. Н. Зограф подразделяет на шесть периодов. В этой периодизации вызывают сомнения разве лишь грани пятого периода (68—226 гг. н. э., стр. 200), в особенности его начало. Эфемерное владительство Нерона в монетный чекан Боспора и последующий перерыв в выпуске монет не являются, на наш взгляд, переломным моментом ни в истории, ни в нумизматике Боспорского государства; скорее эту роль следовало бы отнести монетной реформе Рескупорида II (81 г. н. э.), возобновившего чекан золота и меди со своим именем и титулом, и притом с типами, сохранившимися на протяжении более ста лет. Также и смерть Рескупорида III не знаменует собой резкого поворота в монетном деле; верхней гранью этого периода следовало бы принять перерыв в чекане между 564—572 гг. б. э., после которого «статер» становится чисто медным, а прежние типы медной монеты навсегда исчезают из обращения.

В первых разделах последней главы своего труда А. Н. Зограф изучает монеты Феодосии, Нимфея и архаический чекан Боспора. Мы позволим себе пройти мимо соображений, высказываемых А. Н. Зографом по поводу древнейших монет Пантикапея, Аполлонии и синдвов; с одной стороны, именно в этой области необходимы, ввиду значительного количества заведомых подделок, тщательная проверка подлинности памятников, а с другой — многие вопросы из этой области¹ были в последние годы предметом специального изучения советских исследователей, ввиду чего рассмотрение их неминуемо увело бы нас далеко за пределы рецензии.

Со второго десятилетия IV в. до н. э. А. Н. Зограф начинает новый период в монетном чекане Боспора (стр. 171), что вполне соответствует как историческим, так и нумизматическим данным. Однако некоторые подробности все же остаются и здесь спорными; так, например, мы не рискнули бы на основании только стилистических наблюдений отделять мелкие медные монеты с изображениями бородатого сатира и бычьей головы (табл. XLI, 7) от монетных серий IV в. (стр. 178; табл. XL, 17; Б у р а ч к о в, табл. XX, 62), тем более, что изображение на обороте первых имеет ряд значительно отличающихся друг от друга вариантов. Вызывает известные сомнения и соединение в единую серию монет с изображениями Посейдона и Афины (стр. 179; табл. XLI, 13—14), так как трактовка проры на обороте и, главное, вся фактура монетного кружка весьма различны. Имеющиеся на серии мелких монет с шапками Диоскуров (табл. XLI, 20—21) имя города в форме ΠΑΝΤΙ не представляется также достаточным основанием для отнесения этой серии к концу III в.; аналогии с Горгии-

¹ См. в особенности многочисленные работы Д. Б. Ш е л о в а (КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 119—121; ВДИ, 1949, № 1, стр. 143—153; № 2, стр. 93—98; МИА XIX, 1951, стр. 125—135) и серьезные возражения Ю. С. К р у ш к о л (БДИ, 1950, № 1, стр. 183—188), а также замечания В. П. Ш и л о в а (СА, т. XV, 1951, стр. 204—215).

нией (табл. XLII, 14) и понтийскими монетами Митридатовского времени (E. V a b e l o n et Th. R e i n a c h, Recueil général des monnaies grecques de l'Asie Mineure, т. I, вып. 1, P., 1904, табл. IV, 7; VII, 28; XXVI, 10; ср. стр. 137, № 23) позволяют передвинуть всю эту серию ко второй половине II в. Это подтверждается тем, что среди монет старшего номинала (табл. XLI, 20) имеются экземпляры из темной и из светлой бронзы, как и в первой серии монет времени Митридата (стр. 186; табл. XLIII, 2—3). В то же время в второй серии митридатовского чекана встречаются только монеты из светлой бронзы (табл. XLIII, 13—18), а все предыдущие выпуски боспорской меди, начиная с IV в., представлены исключительно монетами из темной меди и лишь около середины II в. появляются первые монеты из светлой бронзы (табл. XLII, 10—11; ср. стр. 181).

Пессимистическое заключение о невозможности отнесения монет с именем Перисада к различным правителям (стр. 185) не является достаточно оправданным; соображение, что имя Перисада на них есть лишь дань уважения памяти особо выдающегося и, быть может, даже обожествленного представителя династии, противоречит признанию этих статов донативами; приводимые примеры относятся только к обычным монетам, и устойчивость типа и имени на посмертных монетах Александра, Птолемея I или Лисимаха является в такой же мере результатом династических, как и торговых соображений. Ввиду этого нам все же кажется, что «исчерпывающая в виде корпуса разработка монет лисимаховских типов» действительно является одной из задач, стоящих перед советскими нумизматами (стр. 184), причем от решения ее зависит и возможность точного хронологического определения золотого чекана Спартокидов¹. Что касается хронологии монет Асандра, то здесь, пожалуй, можно только присоединиться к сдержанному заключению автора, относящего время его правления к промежутку между 47—17 гг. до н. э. (стр. 189), так как неопределенные показания письменных источников не дают в этом случае надлежащей опоры, а одни только иконографические сближения всегда остаются субъективными².

При изучении боспорского чекана следующего периода А. Н. Зограф проявляет исключительную осторожность. Тем не менее некоторые соображения автора могут быть исправлены уже на основании папичного материала; так, невозможно считать знак Н на монетах Котия I обозначением обولا, а редкий номинал в 4 единицы, выпускающийся при Митридате и Котии, — его половиной (стр. 196, табл. XLV, 11), так как в этом случае последние монеты должны были бы быть равными монетам в один асс (номинал IB), которые чеканились одновременно теми же царями (табл. XLVI, 6—7 и 9—10). Вряд ли имеется основание связывать монограмму на золоте 334—335 гг. б. э. с тем же лицом, которому принадлежат монеты 311 и следующих лет (стр. 197; ср. табл. XLV, 15—17 и XLVI, 1), ибо она встречается и на меди Котия I и притом в составе коммеморативной серии, что не оставляет сомнения в том, что она выражает имя матери этого последнего, упомянутой у Петра Патриция (ср. Б е р т ь е Д е л а г а р д, 300, т. XXIX, стр. 161—163; табл. II, 30—31). Кроме того, нельзя признать правильным и отнесение нероновского вмешательства в монетное дело Боспора еще к 62 г. (стр. 198—199), так как монеты с легендой ΠΟΠΗΝΙΑΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ, выбитые прежде этого времени, не могли быть выпущены ранее начала 63 г., когда Пoppя получила после рождения дочери титул августы. По поводу мероприятий Нерона на

¹ Необходимо добавить, что рассматриваемые А. Н. Зографом среди монет Боспора статовы царя Аки надо ввиду новой находки отнести к Колхиде (ср. Д. Г. К а п а н а д з е, ВДИ, 1949, № 1, стр. 161—165). Это же следует сказать, по всей вероятности, и относительно монет, приписываемых Савмаку (ср. К. В. Г о л е н к о, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203, и Д. Г. К а п а н а д з е, там же, стр. 203—204).

² Нельзя признать удачной и последнюю попытку уточнения хронологии Асандра, принадлежащую Е. С. Г о л у б в о в о й («Сев. Причерноморье и Рим на рубеже н. э.», М., 1951, стр. 77—81), так как автор последовательно исходит из представления о наличии монет Асандра-архонта с 4-м годом правления, тогда как на единственном статере этого года (Вена) уже помещен титул царя.

Боспоре следовало бы подчеркнуть, что монеты 359 г. б. э. (табл. XLVI, 13) показывают, что император не осмелился нарушить местные традиции золотого чекана и последовал примеру боспорских царей, помещая на золоте лишь монограмму своего имени. Требуется, наконец, возражения и отнесение к 68 г. медных монет Рескупорида II с изображением сидящего на курульном кресле царя (стр. 198; табл. XLVI, 16—17); во-первых, правление Рескупорида началось лишь в следующем году, как это доказывается первой его золотой монетой 365 г. б. э. с изображением Веспасиана, провозглашенного императором 1 июля 69 г.; во-вторых, как мы надеемся показать в другом месте, есть веские основания считать, что вся эта серия выбита уже в правление Тита, чему не противоречит очень удачная, на наш взгляд, расшифровка монограммы на старшем номинале как слов *Títos Obestasianos Awtokrátōr*.

Переходя к обзору последних разделов XI главы, нельзя не пожалеть как об отсутствии подводящего итога всей работы заключения, так и о чрезвычайной краткости изложения в целом ряде вопросов. Так, говоря о монетах Рескупорида II и Савромата I, автор скорее намечает пути для хронологической классификации меди этих царей путем сравнения с портретами на золоте, чем дает действительное ее распределение по отдельным выпускам (стр. 201—202), причем некоторые редчайшие медные монеты первого царя вообще остались вне его поля зрения. Признавая правильным определение ценности монет в 48 и 24 единицы как сестерция и дупондия (стр. 199—203; ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 294—298), следует добавить, что второй из этих номиналов исчезает уже в начале правления Савромата I, так как приписывающиеся обычно Котию II и Евпатору дупондии с изображением Капитолия (табл. XLVII, 17 и XLVIII, 4) следует отнести к более раннему времени¹. Ввиду этого и замечания А. Н. Зографа о колебаниях монетной политики царей II в. оказываются в части, связанной с этими монетами, лишены обоснования (стр. 202—203). Полного внимания заслуживают зато соображения о монетной реформе Савромата II, кратко суммирующие аргументацию, развернутую в опубликованных прежде статьях автора (стр. 204—206; ср. ВДИ 1938, № 2, стр. 287—306).

Однако и здесь можно пожалеть, что автор не дает распределения между первым и вторым периодами его классификации редких сестерциев с изображениями скачущего царя и Зевса (или царя?), восседающего на троне (Б у р а ч к о в, табл. XXXI, стр. 250—253).

К замечаниям о монетах середины III в. на стр. 208—209 можно было бы добавить еще следующее. Единственным критерием для различения царей, чеканивших монеты между 537—564 гг. б. э., являются иконографические признаки (ср. О р е ш н и к о в, Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. 7, М., 1887, стр. 113 сл.), причем речь должна идти, строго говоря, не о портретности в точном смысле слова, но лишь о различиях в прическе и наличии трезубца при изображении так называемого Рескупорида VI. Однако на монетах 558 и особенно 559 гг. б. э., где трезубец еще отсутствует, прическа царя приобретает вид, присущий «статерам» следующих годов, а на монетах 564 г. облик царя с трезубцем вполне аналогичен изображениям на монетах 40-х годов III в². Поэтому и последнего боспорского царя, выпускавшего монеты, следовало бы называть Рескупоридом VI. Его чекан начинается, по мнению Зографа, в 615 г. б. э.; последние находки заставляют, как кажется, передвинуть эту дату назад до 612 г. (ВДИ, 1949, № 2, стр. 76, 49—50; 1950, № 2, стр. 135). Равным образом следовало бы устранить сомнения (стр. 212) относительно монет Радамса с 619 г. б. э.; к экземплярам собраний Уварова (стр. 120, № 788), Британского музея (табл. XVIII, 9), Гиля (ЗРАО, т. V, 1891, табл. VII, 83) и Таракташского клада (ИТУАК, вып. 43,

¹ Соображения относительно датировки монет с изображением пятиколонного храма изложены нами в специальной статье.

² Табл. L, 4 сл.; ср. А. М. P o d s c h i w a l o w, Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia..., М., 1882, табл. II, 36—37; III, 56; Catalogue of the British Museum, Pontus..., L., 1889, табл. XVIII, 2—6.

99, стр. 99) мы могли бы прибавить еще один с отчетливой θ на месте единиц, так что, повидимому, в течение ряда лет власть над Боспором разделяли два правителя.

В тексте книги допущены, к сожалению, весьма неприятные погрешности: достаточно указать, что в таблице на стр. 206 сл. первая строка в графе сестердиев сдвинута вверх и попала против имени Котия I; не на месте и вторая строка в графе дупондиев (ВДИ, 1938, № 2, стр. 304 сл.). Вряд ли следовало оставлять без исправления и другие описки автора; так, на стр. 188 говорится, что монет Фарнака «за все четыре года было выпущено 13 штук», тогда как речь идет о числе сохранившихся экземпляров. Нельзя, наконец, не пожалеть о весьма посредственном выполнении таблиц, не дающих часто никакого представления об оригинале. Как уже справедливо указывалось (ВДИ, 1951, № 4, стр. 118), хотя бы часть таблиц следовало дать фототипией и, в особенности, снабдить таблицы соответствующим текстом, ибо приложенные объяснения совершенно не удовлетворяют читателя; особенную досаду вызывает отсутствие надлежащих данных при монетах, публикуемых впервые (например, не указаны вес и местонахождение статера 378 г. б. э. на табл. XLVII, 2). Все эти технические недостатки должны быть устранены при переиздании труда А. Н. Зографа.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что немногие несомненные упущения и неточности, равно как отмеченные выше замечания дискуссионного характера, вполнекупаются достоинствами книги А. Н. Зографа. Автору удалось, завершив работы своих предшественников и используя собственный многолетний опыт, впервые добиться научно обоснованной, ясной и последовательной систематизации и периодизации монет Северного Причерноморья и дать отчетливую и убедительную картину денежного обращения Тиря, Ольвии, Херсонеса и Боспора в различные периоды их существования. Тем не менее рецензируемое сочинение ни в какой мере не может заменить полного свода монет Причерноморья, потребность в котором ощущается все сильнее с каждым годом и создание которого, оказавшееся не под силу дореволюционной русской науке, следует, наконец, признать очередной задачей советских ученых. Важнейшим подготовительным шагом на этом пути должна была бы быть публикация каталогов крупнейших нумизматических собраний нашей великой Родины.